

законоположитель новый, и наслѣдникъ небеснаго царствиа, и истинный правитель пасомым от него. Не пустыню ли исполни благопопечений многих? Аще и разсудителенъ бѣше Великий Сава, общему житию правитель, сей же не стяжа ли по оному доброе разсуждение, многы монастыря общежитие проходящих въздвиже? Не имяше ли и сей чюдесь дарованна, яко же прежде того прославлении, и вельми богъ сего прослави и сътвори именита по всей земли? Мы убо не похваляем того, яко похвалы требующа, но яко онъ о нас молиться, въ всемъ бо страстоположителя Христа подражавъ. Не въ много же прострем слово. Кто бо възможет по достоянию святого ублажити?

СЛОВО ПОХВАЛНО ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦУ НАШЕМУ СЕРГИЮ;
СЪТВОРЕНО БЫСТЬ УЧЕНИКОМЪ ЕГО,
СВЯЩЕННОИНОКОМЪ ЕПИФАНИЕМЪ.
БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ!

Тайну цареву добро есть хранити, а дѣла божиа проповѣдати преславно есть; еже бо не хранити царевы тайны — пагубно есть и блазнено, а еже млъчати дѣла божиа преславнаа — бѣду души наносити. Тѣмъ же и азъ боюся млъчати дѣла божиа, възпоминаа муку раба оного, примшаго господень талантъ, и в земли съкрывшаго, и прикупа имъ не сътворивъша. Никто же бо достоинъ есть, *неочищену* имѣя мысль вънутрьняго человека; таковъ сый страстный азъ, пленицами многими грѣховъ моихъ стягнути, таковымъ преславнымъ вѣщемъ нелѣпо бѣ мнѣ коснутися, но развѣ точию безакониа моа възвѣщевати и пещися о грѣсѣхъ моихъ. Но поне же желание привлекаетъ мя и недостойнѣство млъчати запрѣщаетъ ми, и грѣси мои яко бремя тяжко отяготѣша на мнѣ. И что сътворю? Дръзну ли недостойнѣ к начинанию? Что убо, реку ли или запрѣщаю в себѣ? Окаю ли свое окаанѣство? *Внимаю* ли възходящимъ на сердце мое блаженствомъ о преподобнѣмъ?

Но ты сам, отче, съдѣйствуй ми, да не яко недостойну ми помрачится ум мой, но сам, — яже и не пишущу ми в мысли моей, да въздут от твоихъ похвалъ, — сиа пишущу ми, ты вразуми и настави. Множицею бо възпомянувъ и слезы о семъ испустихъ моего ради недостойнѣства, да не како не получю искомаго, о немъ же начат, аще не ты руку прострѣши. Нѣсмь бо доволенъ по достоянию хвалы тебѣ принести, но малая от великихъ провѣщати. Но обаче сподоби мя принести похвалы тебѣ, приносящаго млъбы о моей худости къ Христу богу нашему. Аще бо и вси достойни, но азъ недостойнѣ есмь, влекомъ и жадаю, да поне крупицамъ трапезы избранныхъ причастникъ буду: могутъ бо и множество крупиць насытити алчущихъ

законодатель новый, и наследник небесного царства, и истинный правитель стада своего. Не пустыню ли он наполнил заботами многими? Разумен был Великий Савва, общежительства создатель, но не обладал ли Сергей, как он, добрым разумом, так что многие монастыри общежительные создал? Не обладал ли и он чудотворным дарованием, как до него прославившиеся, так что весьма бог его прославил и сделал знаменитым по всей земле? Мы восхваляем не того, кто в похвале нуждается, но того, кто за нас молится, кто во всем предавшему себя на мучения Христу подражал. Но не будем удлинять рассказ. Ведь кто сможет по достоинству святого прославить?

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦУ НАШЕМУ СЕРГИЮ;
СОЗДАНО БЫЛО УЧЕНИКОМ ЕГО
СВЯЩЕННОИНОКОМ ЕПИФАНИЕМ.
БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ!

Тайну царскую следует хранить, а дела божьи проповедовать похвально; ибо не хранить царской тайны — пагубно и опасно, а молчать о делах божьих славных — беду душе приносить. Поэтому и я боюсь молчать о делах божьих, вспоминая мучения известного раба, получившего от господина талант, и в землю его зарывшего, и не пустившего его в оборот. Никто не достоин писать, у кого нечисты внутренние помыслы; таков и я, одержимый страстями, как пленник, многими грехами моими связанный, и к таким славным вещам не следовало бы мне прикасаться, но только лишь в беззаконии моем каяться и заботиться о грехах моих. Но желание обуревает меня и мне, недостойному, молчать не дает, и грехи мои тяготят надо мной, как бремя тяжкое. И что мне делать? Осмелюсь ли, недостойный, начать? Что делать — говорить мне или запретить себе это? Буду ли оплакивать себя, окаянного? Буду ли внимать приходящим на сердце мое блаженным мыслям о преподобном?

Но ты сам, отче, помоги мне, чтобы у недостойного меня не помрачался ум мой, но сам ты (когда и не пишу я в мыслях своих, пусть восстанут они на похвалу тебе), пока я пишу это, вразуми и научи меня. Много раз в уме перебирал свои пороки и слезы из-за них источал, боялся, что не исполню своего желания, — того, что начал, — если ты мне руку помощи не подашь. Ведь не способен я по достоинству хвалы тебе воздать, но только немного из великого рассказать могу. Но, однако, помоги мне восславить тебя, приносящего мольбы за меня, бедного, Христу, богу нашему. Ведь если другие достойны, я не достоин, стремлюсь и желаю хотя бы крупницы от трапезы избранных получить: может ведь и множество крупниц насытить алчущую душу, особенно же

душа, наипаче же духовных отецъ учения и душеполезнаа словеса не токмо телеса, но и самую душу могут укрѣпити и окрѣмляти къ духовнымъ подвигомъ: поне же свѣтла, и сладка, и просвѣщенна намъ всечестныхъ нашихъ отецъ възсиа память, пресвѣтлою бо зарею и славою просвѣщающеса, и насъ осиаваютъ. Свѣтлаа убо въистину, и просвѣщеннаа, и всякая почѣсти отъ бога и радости достойна, имъ же вашихъ боголюбивыхъ душъ, яко възлюбленныхъ чадъ отецъ, къ духовному веселию нынѣ съзававши и, яко любителя отецъ, въ свѣтлѣй сей церкви радостно приемлющи и любовно веселящи прежде же плотския духовную вамъ предуготовляющи трапезы: исполнь сущи радости и веселиа духовнаго и исполнь сладости божественныхъ словесъ, аггельскыя пища. Пищу убо аггельскую Писании духовна словеса нарицають, имъ же душа наслаждается, внимающа умомъ, и яко пищею тѣло, тако и словомъ укрѣпляема бываетъ душа. Сладость бо словесную Давидъ вкусивъ, удивляясь, къ богу глаголетъ: «Коль сладка грѣтани моему словеса твоя, паче меда устомъ моимъ! Отъ заповѣдѣй твоихъ разумѣхъ, и сего ради възненавидѣхъ всякъ путь неправды». Такожде и древнии отцы наши и прочии вси, иже в постѣ провосиаша.

Сихъ же стопамъ послѣдуя и житию ихъ ревнуя, всякъ путь неправды възненавидѣ и истинну възлюби, его же и прежде написаниемъ слова вмѣнихомъ и отъ насъ днесъ нынѣ похваляемъ есть Сергіе, блаженный и преподобный отецъ нашъ. Сему убо въправду подобаетъ дивитися, и достойно есть ублажити: зане и онъ, человекъ подобострастенъ намъ бывъ, но паче насъ бога възлюби, и вся краснаа мира сего, яко уметы, вмѣни и презрѣ, и усердно Христу послѣдова, и богъ възлюби его; и яко угодити ему искрѣнно потщася, и удиви и прослави его; «славящаа мя бо, — рече, — азъ прослаблю, уничижающаа же мя безъ чести будутъ». И его же богъ прослави, кто можетъ похвалу его скрыти? Лѣпо убо и намъ того въ правду достойно ублажити и похвалити: похвала бо его яже отъ насъ не оного что ползуетъ, но намъ паче спасение духовное съдѣваетъ. Сего ради в наше научение полезно узаконися, иже отъ бога почѣсти святыхъ послѣднему роду писаниемъ предавати, да не глупиною забвенна покрываются святого добродѣтели, но паче же разумно словеса сказующе, подобно симъ открывати, яко не утаити ползу слышащимъ.

Вѣсть бо добродѣтель словомъ многихъ умилиши, яко же жаломъ душу уязвити и къ богу чистымъ житиемъ подвигнуть. Такожде и съи приведе къ богу многихъ душа чистымъ своимъ и непорочнымъ житиемъ, преподобный игуменъ отецъ нашъ Сергіе святой: старецъ чюдный, добродѣтелми всякими украшенъ, тихый кроткий нравъ имѣя, и смиренный добронравый, привѣтливый и благоувѣтливый, утѣшительный, сладкогласный и

духовных отцов учения и душеполезные слова могут не только тело, но и саму душу укрепить и насытить для духовных подвигов: потому что светлая, и сладостная, и просвещающая о наших честных отцах нам сияет память; ибо они, светлой зарей и славой просвещаясь, и нас озаряют. Светлая их память поистине и просвещающая, и всякой почести от бога и радости достойная, которая ваши боголюбивые души, как возлюбленных сыновей отец, к духовному веселью теперь созвав и, как любимого отца, в светлой этой церкви радостно приняв и с любовью веселя, до плотской духовную вам приготовляет трапезу: их память наполнена радости и веселья духовного и наполнена сладостных божественных слов, ангельской пищи. Ведь пищей ангельской в Писании духовные слова называются, которыми наслаждается душа и внимает ум; и как пищей тело, так словом укрепляется душа. Сладость слов вкусив, Давид, дивясь, богу говорит: «Как сладки гортани моей слова твои, лучше меда устам моим! Повелениями твоими я вразумлен, потому ненавижу всякий путь лжи». Так же и древние отцы наши и прочие все, кто в посте прославился.

По их стопам следуя и жизни их подражая, всякий путь лжи возненавидел и истину возлюбил тот, о котором мы в написанном раньше слове вспоминали и которого мы сейчас здесь хвалим — Сергей, блаженный и преподобный отец наш. Ему поистине подобает удивляться, и его следует прославить: потому что он, хотя был человек, подобный нам, но больше нас бога возлюбил, и все прелести мира этого, как прах, отверг и презрел, и усердно за Христом последовал, и бог возлюбил его; так как он угодить богу искренне старался, бог возвеличил и прославил его; «славящих меня,— сказано,— я прославлю, а уничижающие меня без чести будут». Кого бог прославил, кто может того величие скрыть? Следует и нам его поистине достойно прославить и похвалить: ведь похвала наша Сергию не ему пользу приносит, но для нас спасением будет духовным. Поэтому у нас и установился обычай полезный, чтобы почести от бога святым для последующих поколений в писаниях передавать, чтобы в глубине забвения не погрузились святого добродетели, но, разумными словами о них рассказывая, следует о них сообщить, чтобы принесли они пользу слушателям.

Ведь о добродетели рассказ может многих умирить, словно жалом уязвить душу и к богу чистой жизнью подвигнуть. Так и он привел к богу многие души своей чистой и непорочной жизнью, преподобный игумен отец наш святой Сергей: старец чудесный, добродетелями всякими украшенный, тихий, кроткий нрав имевший, смиренный и добронравный, приветливый и благодушный, утешительный, сладкогласный и мягкий,

благородливый, милостивый и добросердечный, смиренномудрый и целомудренный, благоговящий и нищелюбивый, страннолюбный и миролюбный, и боголюбный; иже есть отцамъ отецъ и учителемъ учитель, наказатель вождь, пастыремъ пастырь, игуменомъ наставникъ, мнихомъ начальникъ, монастыремъ строитель, постникомъ похвала, млычяльникомъ убожество, иереомъ красота, священникомъ благолюбіе, сущій въждь и неложный учитель, добрый пастырь, правый учитель, нелицейный наставникъ, умный правитель, всеблагый наказатель, истинный кормникъ, богоподательный врачъ, изящный предстатель, священный чиститель, начальный общежитель, милостынямъ податель, трудолюбный подвижникъ, молитвенникъ крѣпокъ, и чистотѣ хранитель, целомудрия образъ, столпъ терпѣнія; иже поживе на земли аггельскимъ житіемъ и възсия въ земли Русѣй, акы звѣзда пресвѣтлая; иже премногую его добродѣтель людемъ на плъзу бысть многымъ, многымъ на спасение, многымъ на успѣхъ душевный, многымъ на потребу, многымъ на устрои; иже бысть христіанлюбивымъ княземъ великимъ русскимъ учитель православію; велможамъ же, и тысящникомъ, и прочимъ старѣйшимъ, и всему синглиту, и христіанлюбивому всему воинству иже о благочестіи твердый поборникъ; архиепископамъ же, и епископомъ, и прочимъ святителемъ, архимандритомъ благоразумный и душеполезный възгласникъ и съвѣспросникъ; честнымъ же игуменомъ и прозвиромъ прибѣжище, иночскому же чину акы лѣствица, възводящая на высоту небесную; сиротамъ акы отецъ милосердъ, вдовицамъ яко заступникъ теплъ; печальнымъ утѣшение, скръбящимъ и сѣтующимъ радостотворецъ, ратующимся и гнѣвающимся миротворецъ, нищимъ же и маломощнымъ съкровище неоскудное, убогимъ, не имущимъ повседневною пищу великое утѣшение, болящимъ въ многѣхъ недузѣхъ посѣтитель, изнемогающимъ укрѣпление, малодушнымъ утврѣжение, безвременнымъ печальникъ, обидимымъ помощникъ, насильствующимъ и хищникомъ крѣпокъ обличитель, сущимъ въ плѣнении отпущение, въ работахъ сущихъ свобожение; въ темницахъ въ узахъ дрѣжимымъ избавление, длѣжнымъ искупление, всѣмъ просящимъ подавание, пианицамъ изтрезвѣние, грѣделивымъ целомудріе, чюжее грабящимъ въстѣгновение, лихоимцемъ възбранникъ; грѣшникомъ кающимся вѣрный поручитель и всѣмъ притекающимъ къ нему, акы къ источнику благопотребну.

Бѣше же видѣти его хожденіемъ и подобіемъ аггелолѣпными сѣдинами чѣстна, постомъ украшена, въздержаніемъ сияя и братолюбіемъ цвѣтѣй, кротокъ взоромъ, тихъ хожденіемъ, умиленъ видѣніемъ, смиренъ сердцемъ, высокъ житіемъ добродѣтельнымъ, почтенъ божіею благодатию. Понеже бога чтиаще, и богъ почте его, божію честь многу положи на немъ. Онъ бога прослави, и богъ на земли прослави его, якоже

милостивый и мягкосердечный, смиренномудрый и целомудренный, благочестивый и нищелюбивый, гостеприимный и миролюбивый, и боголюбивый; он был отцам отец и учителям учитель, предводитель вождям, пастырям пастырь, игуменам наставник, монахам начальник, монастырям строитель, постникам похвала, молчальникам поддержка, иереям красота, священникам благолепие, настоящий вождь и неложный учитель, добрый пастырь, праведный учитель, неподкупный наставник, умный правитель, всеблагой руководитель, истинный кормчий, заботливый врач, прекрасный заступник, священный очиститель, создатель общежительства, милостыню подающий, трудолюбивый подвижник, в молитвах крепкий, и чистоты хранитель, целомудрия образец, столп терпения; он прожил на земле ангельской жизнью и прославился в земле Русской, как звезда пресветлая; великая его добродетель многим людям на пользу была, для многих спасение, для многих успех душевный, для многих поддержка, для многих опора; он был для благоверных князей великих русских учителем православия; вельможам же, и тысяцким, и прочим начальникам, и всем придворным, и благоверному всему войску благочестия твердый поборник; архиепископам же, и епископам, и прочим святителям, архимандритам благоразумный и душеполезный предстатель и испытатель; честным же игуменам и пресвитерам прибежище, инокам как лестница, возводящая на высоту небесную; сиротам как отец милосердный, вдовицам как заступник горячий; печальным утешение, скорбящим и сетующим радость, воюющим и гневающимся умиротворение, нищим же и слабым сокровище неистощимое, бедным, не имеющим повседневной пищи, великое утешение, страдающим многими недугами успокоитель, изнемогающим укрепление, робким опора, злосчастным заступник, обиженным помощник, насильников и хищников твердый обличитель, находящимся в плену избавитель, в трудах изнемогающим освободитель; в темницах в оковах содержащимся избавление, должникам выкуп, просящим подаяние, пьяницам трезвость, горделивым целомудрие, чужое грабящим обуздание, лихоимцам запрещение; грешникам кающимся и всем приходящим к нему, как к источнику целительному — верный помощник.

Все видели, что его внешность честная была прекрасна ангельской сединой, постом он был украшен, воздержанием сиял и братолюбием цвел, кроткий взором, с неторопливой походкой, с умиленным лицом, смиренный сердцем, возвышен жизнью добродетельной, удостоен божьей благодати. Он бога почитал, и поэтому бог почтил его, божью честь великую даровал ему. Он бога прославил, и бог на земле прославил его, как

рече господь въ святом Евангелни: «Тако да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ человеки, яко да видятъ дѣла ваша блага и прославятъ отца вашего, иже есть на небесѣхъ». И пакы рече: «Не укрывается градъ, врѣху горы стоа. Ни вжигаютъ свѣтилника и поставляютъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ» и прочаа. Сего же угодника своего, преподобнаго отца нашего и преблаженнаго Сергіа, тако богъ почте его и тако прослави его, яко да молитвами его мнози отъ болѣзней здравы бывааху и мнози отъ недуговъ исцѣлѣние приаша, мнози отъ бѣсовъ избавишася и многоразличныхъ искушений очистишася. Толико бо богъ прослави угодника своего не токмо въ той странѣ, въ ней же живяше святой, но и въ иныхъ градѣхъ, и въ далнихъ странахъ, и въ всѣхъ языцѣхъ отъ моря даже и до моря, не токмо въ Царьствующемъ градѣ, но и въ Иерусалимѣ. Не токмо едины православнии почюдишася добродѣтельному житию преподобнаго, но и невѣрнии мнози удивишася благопребывателнѣй жизни его: бѣше бо бога възлюби всѣмъ сердцемъ своимъ и ближняго своего, яко и самъ ся. Равно бо любяше всѣхъ и всѣмъ добро творяше, и вси ему благодворяху; и къ всѣмъ любовь имаше, и вси къ нему любовь имѣаху и добръ его почитааху. И мнози къ нему приходяаху, не токмо ближнии, но издаличе и отъ далнихъ градовъ и странъ, хотяще видѣти и слышати слово отъ него и велику плѣзу и душевное спасение приемлюще отъ поучения и дѣлъ его: учае бо и творяше, яко же въ Дѣяніихъ святыхъ Апостолъ речеся: «Понеже начатъ Исусъ творити же и учити»; иже убо словомъ учае, то же самъ дѣломъ творяше.

И не токмо отъ поучения его плѣзеваахуся, но и многажды нѣкимъ, зрящимъ на нѣ точию, отъ зрѣнія его приимати ползу многимъ. Многихъ научи душеполезными словесы, и на покааніе къ богу обрати, и многихъ спасе, и въ иночскій облекъ образъ, паче же аггельскій, и честныя мощи ихъ своимъ руками опрятавъ, погребенію предасть. И многихъ душа къ богу приведе, и мнози поучениемъ его спасошася и донынѣ спасаются, не точию иноци, но и прости, поминающе душеполезнаа его словеса и учения; упасе бо порученное ему отъ бога стадо въ преподобии, правдѣ, образъ въ всемъ бывъ своимъ ученикомъ. Поживе на земли житіе чисто, непорочно и благоугодно господави, еже наченъ отъ юности зѣло, то же и съврѣши въ старости глубоцѣ, не измѣнивъ правила чернечскаго въ вся лѣта житія своего, никако же разлѣнися, ни унывъ, не инако нача, и инако оконча: но елико убо жестоко и свято нача, толико же изрядно и чюдно сконча; и съ благоизволениемъ убо нача, съ святынею же съврѣшивъ въ страсть божии. «Зачало бо прѣмудрости страхъ господень»; занеже въру, и упование, и любовь преизлише приобрѣте, тѣмъ же благочестивъ нача, и благочестно поживе, и свято съврѣши.

сказал господь в святом Евангелии: «Да светит свет ваш перед людьми так, чтобы они видели дела ваши добрые и прославляли отца вашего небесного». И также сказал: «Не укроется город, на верху горы стоящий. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике» и прочее.

Этого угодника своего, преподобного отца нашего и преблаженного Сергия, так бог почтил и так прославил, что благодаря молитвам его многие от болезней выздоравливали и многие от недугов исцеление получали, многие от бесов избавились и от различных искушений очистились. Так бог прославил угодника своего не только в том месте, где жил святой, но и в других городах, и в дальних краях, и у всех народов от моря до моря, не только в Царьграде, но и в Иерусалиме. Не только одни православные изумлялись добродетельной жизни преподобного, но и неверные многие удивлялись блаженной жизни его: ведь он бога возлюбил всем сердцем своим, и ближнего своего — как самого себя. Ведь одинаково он любил всех и всем добро творил, и все его благодарили; и ко всем любовь имел, и все к нему любовь имели и искренне его почитали. И многие к нему приходили, не только из ближних мест, но издалека, и из дальних городов и краев, желая увидеть его и услышать поучение его, и великую пользу, и душевное спасение получали от поучения и дел его: он учил и творил, как в Деяниях святых Апостолов сказано: «Потому что начал Иисус творить и учить»; чему словом учил, то сам делом творил.

И не только поучения его пользу приносили, но много раз, взглянув на него только, от лицезрения его получали пользу многие. Многих он научил душеполезными словами, и на покаяние к богу обратил, и многих спас, и в иноческий облек образ, даже в ангельский, и, честные мощи их своими руками одев, погребению предал. И многих души он к богу привел, и многие благодаря поучениям его спаслись и донныне спасаются, — не только иноки, но и миряне, — вспоминая душеполезные его слова и поучения; он пас порученное ему богом стадо в благочестии, правде, примером во всем будучи своим ученикам. Прожил он на земле жизнь чистую, непорочную и угодную господу, начиная с юности ранней и до старости глубокой, не отступив от правил иноческих во все годы жизни своей; никогда не ленился, не унывал, что начинал, то и завершал: и насколько мужественно и свято он начал, настолько же твердо и чудесно закончил; радостно начал, а свято завершил жизнь в страхе божьем. «Ведь начало премудрости страх господа»; так как он верой, и надеждой, и любовью в изобилии обладал, он благочестиво начал, и благочестиво прожил, и свято закончил жизнь.

Равно течение сконча, вѣру съблюде, и вѣнецъ праведный получи, и мзду вѣрну въсприят трудовъ ради и исправлений своихъ, ими же подвизася на земли, подвигъ многъ съврѣшивъ, и трудъ великъ подъятъ, тяготу вара дневнаго понесъ, и зной полудневный добльственѣ въсприятъ, и студень зимнюю велми пострада, и мразы лютыя неистрѣпимыя претрѣпѣ имени ради божиа; и того ради нынѣ въсприятъ мзду съвершену и велию милость.

Что же много глаголю, и глаголя не престаю, умножаю рѣчь, распростираа глаголы и продлѣжаа слово, не могый по достоянию написати житиа добраго господина и святого старца, не могый по подобию нареши или похвалити достойно? Обаче прочаа его добродѣтели инде скажем, и многаа его исправления индѣ повѣмъ, и похвалу его изложим, аще богъ разумит и силу подастъ молитвами святого старца; нынѣ же нѣсть время за оскудѣние разума и за мѣлину ума моего.

Сиа же подробну писах не к тѣмъ, иже извѣсто свѣдушим и добрѣ знающимъ благочестно житие его: ти бо не требуютъ сего възвѣщанія. Но понудихся възвѣстити сиа и въспоманути новорожденнымъ младенцемъ и младоумнымъ отрочатомъ, и дѣтскый смыслъ еще имущимъ, да и ти нѣкогда възрастут, и възмужаютъ, и преуспѣютъ, и достигнутъ в мѣру врѣсты исполненія мужества, и достигнутъ в разумъ съврѣшенъ, и друг друга въспросятъ о семъ, и почетше разумѣютъ и инѣмъ възвѣстятъ, яко же въ Святомъ писании речеся: «Въпроси,— рече,— отца твоего, и възвѣститъ тебѣ, старца твоя, и рекутъ тебѣ. Елико видѣша, и слышаша, и разумѣша отци наши повѣдаша намъ, да не утаится отъ чадъ ихъ в родъ ихъ сказати сыновомъ своимъ, да познаетъ родъ инъ, сынове родящеися, да встанутъ и повѣдятъ а сыновомъ своимъ, не забудутъ дѣлъ божиихъ». Елици бо ихъ быша великому тому и святому старцу самовидци же и слугы, ученици и таибници, паче же послушници, иже своимъ очима видѣша его, и уши ихъ слышаша и, и руцѣ ихъ осязаша и, ядоша же и пиша с нимъ, иже учения его насытишася и добродѣтели его насладишася, то тии не требуютъ сего худаго нашего писмене. Доволни бо суще и иныхъ научити, паче же и мене самого наказати, и извѣстити, и наставить на путь правый; а елици ихъ еже быти нынѣ начинаютъ, яко же преди речеся, иже не видѣша ниже разумѣша, и всѣмъ сущимъ, наипаче же новоначальнымъ зѣло прилична и угодна суть, да не забвено будетъ житие святого тихое, и кроткое, и незлобливое; да не забвено будетъ житие его чистое, и непорочное, и безмятежное; да не забвено будетъ житие его добродѣтельное, и чудное, и преизящное; да не забвены будутъ многыя его

Он неуклонно течение жизни закончил, веру сохранил, и венец праведный получил, и мзду заслуженную принял за труды и деяния свои, которые он совершил на земле, подвиг великий совершил, и трудности великие преодолел,— тяжесть жары дневной терпел и зной полуденный доблестно переносил, и от стужи зимней весьма страдал, и морозы лютые нестерпимые терпел во имя божье; и за это теперь получил мзду заслуженную и великую милость.

Зачем я пространно говорю, и говорить не перестаю, умножаю речи, растягивая слова и продолжая рассказ, хотя не могу по достоинству описать жизнь доброго господина и святого старца, не могу, как подобает, назвать его или похвалить достойно? Но о прочих его добродетелях в другом месте скажем, и о многих его деяниях в другом месте сообщу, и похвалу ему изложим, если бог вразумит меня и силу даст молитвами святого старца; теперь же не время из-за оскудения разума и из-за оскудения ума моего.

Это я подробно писал не для тех, кому все доподлинно известно и кто хорошо знает жизнь его: они ведь не нуждаются в этом рассказе. Но хотел я вспомнить это и сообщить для новорожденных младенцев и молодых отроков, у которых еще детский ум, чтобы, когда они вырастут, и возмужают, и преуспеют, и достигнут зрелого возраста, и достигнут совершенства разума, и друг друга спросят о Сергии,— чтобы тогда они прочли это, и уразумели, и другим сообщили, как в Святом писании сказано: «Спроси,— сказано,— отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе. Что видели мы, и слышали, и узнали, отцы наши сообщили нам, чтобы не скрылось это от детей их, которые расскажут сыновьям своим, чтобы знал грядущий род, сыновья, которые родятся, и чтобы они в свое время возвещали сыновьям своим, чтобы они не забыли дел божьих». Ведь те из них, которые были великому тому и святому старцу слугами и очевидцами дел его, учениками и сподвижниками, особенно же послушники, которые своими глазами видели его, и ушами своими слышали его, и руки их осязали его, которые и трапезу делили с ним, которые учением его насытились и добродетелью его насладились,— те не нуждаются в этом убогом нашем рассказе. Ведь они и сами могут других научить, а особенно меня самого исправить, и вразумить, и наставить на путь правый; но для тех, которые теперь только на свет появились, как было сказано, которые не видели и не знали Сергия, и для всех прочих, особенно же для начинающих монахов, эта повесть очень полезна и нужна. Чтобы не забыта была жизнь святого — тихая, и кроткая, и незлобивая; чтобы не забыта была жизнь его чистая, и непорочная, и безмятежная; чтобы не забыта была жизнь его добродетельная, и чудесная, и прекрасная; чтобы

добродѣтели и великаа исправлениа; да не забвены будутъ благыа обычаа и добронравныа образы; да не будутъ бес памяти сладкаа его словеса и любезныа глаголы; да не останетъ бес памяти таковое удивление, иже на немъ удиви богъ милости своя и дарова намъ видѣти такова мужа свята и велика старца, иже бысть въ дни наша.

О, възлюблени! Въсхотѣхъ умлѣчати многыа его добродѣтели, яко же преди рекохъ, но обаче внутрь желание нудитъ мя глаголати, а недостойнство мое запрещаетъ ми млѣчати. Помысль болѣзнь предваряетъ, веля ми глаголати, скудость же ума загражаютъ ми уста, веляще ми умолюхнути. И понеже обдрѣжимъ есмь и побѣждаемъ обѣма нуждама, но обаче лучше ми есть глаголати, да прииму помалу нѣкую ослабу и почию отъ многъ помысль, смущающихъ мя, въсхотѣвъ нѣчто отъ житиа святаго повѣдати, сирѣчь отъ многа мала. И вземъ, написахъ и положихъ здѣ въ худѣмъ нашемъ гранесословии на славу и честь святѣй и живоначалнѣй троици и пречистѣй богоматери и на похвалу преподобному отцу нашему Сергию худымъ своимъ разумомъ и растлѣннымъ умомъ. Наипаче же усумнѣхся, дрѣзаю, надѣяся на молитву блаженаго, понеже житие его добродѣтельно есть и съврѣшено, и отъ бога прославленъ бысть. Азъ же убояхся, яко немощенъ есмь, грубъ же и умовреденъ сый; но обаче подробну глаголю, невѣроятно бо есть постигнути до конечнаго исповѣданія, яко же бы кто могъ исповѣдати довольно о преподобнѣмъ семъ и отци, великомъ старци, иже бысть въ дни наша, и времена, и лѣта, въ странѣ и въ языцѣхъ нашемъ, поживе на земли аггельскимъ житиемъ, стяжа трѣпѣние кротко и въздрѣжаніе твѣрдо, въ девѣствѣ, и въ чистотѣ, и цѣломудрії, съврѣши святыню божию и сподобленъ бысть божественныа благодати: понеже отъ юности очистися церкви быти святаго духа и преуготова себе съсудъ святъ избранъ, да вселится богъ въ оныя, по апостолу, глаголющу: «Братіе, вы есте церкви бога жива, якоже рече богъ: «Вселюся въ ны».

Сый убо преподобный отецъ нашъ Сергіе изъ дѣтска възраста, и отъ уны врѣсты, и отъ младыхъ ноготъ предасться богу, и отъ самыхъ пеленъ богу освятися, измлада церкви велми пристояще, и чясто въ ны входя, поучаяся въ святыхъ книгахъ, навѣкъ божественная писанія, и сладостно ихъ послушаа, и въ нихъ поучаашеся, якоже пророкъ Давидъ рече: «Поучится день и нощъ и будетъ яко древо, саждено при исходящихъ водъ, иже плодъ свой дастъ въ время свое». Измлада бо възлюби мнишескій чинъ и въ ны облекся, измлада въ всякой добродѣтели прилѣжно постився и всяку добродѣтель иноческаго житиа исправи, и свѣтъ благодатный възсия въ сердци его, и просвѣтился помысль его благодатию духовною, ею же приспѣаше въ житии добродѣтельнымъ.

не забыты были многие его добродетели и великие деяния; чтобы не забыты были хорошие обычаи его и добрый пример; чтобы не остались без воспоминания такие удивительные милости, которыми его прославил бог, а нас сподобил увидеть такого мужа святого и великого старца, который жил в дни наши. О, возлюбленные! Хотел я молчанию предать многие его добродетели, как я сказал, но, однако, внутреннее желание заставляет меня говорить, а недостатки мои запрещают мне молчать. Мысль моя убогая идет впереди, повелевая мне говорить, скудость же ума заграждает мне уста, повелевая мне умолкнуть. Но хотя одержим я и побеждаем обоими желаниями, все же лучше мне говорить, чтобы получить поне-многоу некое облегчение и успокоение от многих помыслов, смущающих меня, и решаюсь я кое-что о жизни святого рассказать, то есть из многого малое. Я взял, написал и запечатлел все здесь, в убогой нашей похвале на славу и честь святой и живоначальной троице и пречистой богоматери и на похвалу преподобному отцу нашему Сергию, убогим своим разумом и растленным умом. Хотя и сомневаюсь, но дерзаю писать, надеясь на молитву блаженного, потому что жизнь его была добродетельна и совершенна, и он богом прославлен. Я же убоялся, потому что немощен я, грубым и злым будучи; но, даже подробно повествуя о Сергии, невозможно понять его до конца, даже если бы кто-нибудь смог изложить все исчерпывающе о преподобном этом отце, великом старце, который жил в дни наши, и времена, и годы, в стране нашей и среди народа нашего, прожил на земле ангельскую жизнь, закалился в терпении кротком и воздержании твердом, в девственности, и в чистоте, и целомудрии, достиг святости божьей и удостоен был божественной благодати: потому что с юности он очистился, чтобы церковью стать святого духа, и сделал себя сосудом святым избранным, чтобы вселился бог в него, согласно апостолу, говорящему: «Братья, вы церковь бога живого, как сказал бог: «Вселюсь в них».

Этот преподобный отец наш Сергей с детского возраста, и с юных лет, и с молодых ногтей предан был богу, и с самых пелен богу был посвящен, с молодых лет церковь весьма любил, и, часто в нее ходя, наставляясь по святым книгам, выучил божественные писания, и, радостно их слушая, по ним учился, как пророк Давид сказал: «Будет учиться день и ночь и будет как дерево, посаженное при потоках вод, которое плод свой приносит во время свое». Ибо с молодости он возлюбил монашескую одежду и в нее облекся, с молодости в различных добродетелях прилежно постился и все добродетели иноческой жизни постиг, и свет благодатный воссиял в сердце его, и просветилась мысль его благодатью духовной, благодаря которой он преуспевал в жизни добродетельной.

И въздрѣжаніе велие стяжа въ себѣ, смиреномудріе, цѣломудріе и къ всѣмъ любовь нелицемѣрну. Слава же и слышание пронесся о нем повсюду, и вси слышащеи издалежа притекааху к нему, и великій успѣхъ, и многу плъзу, и спасение приимаху от него: даст бо ему господь разум о всемъ, могый утѣшити печалныя. Сиче же бѣ тщание его, да не прилпнет умъ его ни кацѣхъ же вещей земныхъ и житейскихъ печалехъ; и ничто же не стяжа себѣ притяжания на земли, ни имѣнія от тлѣннаго богатства, ни злата или серебра, ни съкровищъ, ни храмовъ свѣтлыхъ и превысокихъ, ни домовъ, ни сельъ красныхъ, ни ризъ многоцѣнныхъ. Но сиче стяжа *себѣ* паче всѣхъ истинное *нестяжаніе* и безимѣнство, и богатство — нищету духовную, смирение безмѣрное и любовь нелицемѣрную равно къ всѣмъ человекомъ. И всѣхъ вкупѣ равно любляше и равно чтяше, не избираа, ни судя, ни зря на лица человекомъ, и ни на кого же възносяся, ни осужаа, ни клевета, ни гнѣвомъ, ни яростию, ни жестостию, ни лютостию, ниже злобы дрѣжа на кого; но *бѣше* слово его въ благодати солию растворено съ сладостию и с любовью.

Кто бо, слыша добрый его сладкій отвѣтъ, не насладися когда от сладости словесъ его? Или кто, зря на лице его, не веселяшеся? Или кто, видя святое его житіе, и не покаася? Или кто, видя кротость его и незлобіе, и не умилися? Или кто сребролюбець бысть, видя его нищету духовную, и не подивися? Или кто похыщникъ и грѣдостію превъзносясь, видя его высокое смиреніе, и не почюдися? Или кто бысть блудникъ, видя чистоту его, и не прѣменися от блуда? Или кто гнѣвливъ и напрасен, бесѣдуя с нимъ, на кротость не преложися? Нѣсмь бо азъ видѣлъ въ дни сиа, и въ нынѣшняя времена, и в наша лѣта сичева мужа свята, и съвършена въ всяко дѣло благо, и украшена всякою добродѣтелию всячьскы. Яко же от прочихъ святыхъ иже кто възлюбленъ есть от бога, яко сей преподобный Сергіе?

Сѣй ми есть и прѣвый и послѣдній въ нынѣшняя времена; сего богъ проявилъ есть в послѣдняя времена на скончаніе вѣка и послѣднему роду нашему, сего богъ прославилъ есть в Руской земли и на скончаніе седмыа тысяща; сѣй убо преподобный отецъ нашъ провосиалъ есть въ странѣ Русскѣй, и яко свѣтило пресвѣтлое възсия посреди тмы и мрака, и яко цвѣтъ прекрасный посреди трѣннѣа и влѣчець, и яко звѣзда незаходимаа, и яко луча, тайно сияючи блистающе, и яко кринь въ юдолии мирьскихъ, и яко кадило благоуханно, яко яблоко добровонное, яко шипокъ благоуханный, яко злато посреди брѣннѣа, яко серебро раждежено, и искушено, и очищено седморицею, яко камень честный, и яко бисеръ многоцѣнный, и яко измарагдъ и самфиръ пресвѣтлый, и яко финиксъ процвѣте, и яко кипарисъ при водахъ, яко кедръ иже

Воздержание великое он хранил, смирение, целомудрие и ко всем любовь нелицемерную. Слава его и слух о нем разнеслись повсюду, и все, слыша о нем, издалека приходили к нему, и великое благо, и многую пользу, и спасение получали от него: ведь дал ему господь разум всяческий, который мог утешить опечаленных. Все усердие его было направлено на то, чтобы не обратился ум его ни к каким вещам земным и житейским печалям; и никаких он не стяжал себе стяжаний на земле — ни имения от тленного богатства, ни золота или серебра, ни сокровищ, ни храмов светлых и высоких, ни домов, ни сел прекрасных, ни одежды драгоценной. Но он стяжал, вместо всего этого, истинное нестяжание и бедность, а вместо богатства — нищету духовную, смирение великое и любовь нелицемерную равно ко всем людям. Он всех вместе равно любил и равно почитал, не выбирая, не судя, не взирая на лицо человека, ни над кем не возносясь, не осуждая, не клеветая, ни с гневом, ни с яростью, ни с жестокостью, ни со свирепостью; и зла он не имел против кого-либо; но слово его в благодати солью было растворено с приятностью и с любовью.

Кто, услышав добрый его сладостный ответ, не насладился когда-либо сладостью слов его? Или кто, взирая на лицо его, не веселился? Или кто, видя святую его жизнь, не покаялся? Или кто, видя кротость его и незлобивость, не умилился? Или какой стяжатель, видя его нищету духовную, не удивился? Или какой хищник, в гордости возносящийся, видя его высокое смирение, не поразился? Или какой блудник, видя чистоту его, не прекратил жизнь блудную? Или какой гневливый и несдержанный человек, беседуя с ним, в кроткого не превратился? Ибо я не видел в дни наши, и в нынешние времена, и в наши годы такого мужа святого, и совершенного во всяком деле благом, и украшенного всякими добродетелями всесторонне. Ибо кого из прочих святых столь возлюбил бог, как этого преподобного Сергия?

Он для меня первый и последний в нынешние времена; его бог даровал в последние времена перед концом света нам, последним людям, его бог прославил в Русской земле в конце седьмого тысячелетия; этот преподобный отец наш воссиял в стране Русской, и как светило светлое воссиял посреди тьмы и мрака, и как цветок прекрасный среди терниев и колючек, и как звезда незаходящая, как луч, тайно сияющий и блистающий, и как лилия в ущелье земном, и как кадило благоуханное, как яблоко благовонное, как шиповник благоуханный, как золото посреди пыли, как серебро раскаленное, и испытанное, и очищенное семь раз, как камень прекрасный, и как жемчуг драгоценный, и сапфир светлый, и как финиковая пальма он расцвел, и как кипарис у воды, как

в Ливанѣ, яко маслина плодовиѣта, яко араматы благоуханиа, и яко миро излианное, и яко сад благоцвѣтушъ, и ако виноград плодоносенъ, и яко гроздъ многоплоденъ, и яко оград заключенъ, и ако врьтоград затворенъ, и яко сладкый запечатлѣнный источникъ, яко съсуд избранъ, яко алавастръ мира многоцѣннаго, и ако град нерушим, и яко стѣна неподвижима, и яко забрала тврѣда, и ако сынъ крѣпокъ и вѣренъ, и ако основание церковное, яко столпъ непоколѣбимъ, яко вѣнецъ пресвѣтлый, яко корабль, исплненъ богатства духовнаго, яко земный аггелъ, яко небесный человекъ.

Успе же старецъ о господѣ въ старости глубоцѣ, добрѣ поживъ, въ преподобии, въ правдѣ и цѣломудрии, въ смиреномудрии, въ всякой чистотѣ и святыни, исплнь дний духовныхъ, представися от житиа сего лѣтъ седмидесяти и осми. Чрънечествова же лѣтъ 55 съ всяким прилежаньемъ и въздръжаньемъ, не лѣнностью тогда съдръжимъ, но с бодростию и съ мнозѣмъ трезвѣниемъ, и всѣхъ инокъ предuspѣ в родѣ нашемъ труды своими и трѣпѣниемъ, и многихъ превзыде добродѣтелми и исправлениими своими. Что же наше житие или что наше пребывание противу святого подвигомъ и прочимъ добродѣтелемъ? Ничто же есть наше чернечество, и наша молитва яко стѣнь есть. *И колико растоание имать востокъ от запада*, сиеце намъ неудобь есть постигнути житиа блаженнаго и праведнаго мужа. Сиеце ти есть житие его и сиецевы труды его, и исправлениа, и подвизи, и потове, и мнози болѣзни, еже от многа мало нѣчто понудихомся, аще и не по чину положихомъ, ни по достоянию написахомъ.

Егда же приспѣ врѣмя преставлениа его, заповѣда ученикомъ своимъ и не повелѣ имъ въ церкви положити ся, но внѣ церкви тако просто повелѣ погresti ся с прочими братиами. Братиа же, слышавше сиа от святого, зѣло скръбни быша и о семъ въпросиша пресвятѣйшаго архиепископа. Тогда же бѣ въ преславнѣмъ и пресловущемъ въ велицѣмъ градѣ Москвѣ, украшаа престолю пресвятыа и преславныа владычица наша Богородица, преосвященный Кипреянъ митрополит. Поразсмотривъ и разсуди въ себѣ, како и гдѣ погребетсѣ блаженный, и благослови и повелѣ имъ положити его въ церкви на правѣй странѣ; еже и бысть. Положено же бысть тѣло преподобнаго въ церкви, ю же самъ създа, и възъдвиже, и устрои, и съврѣши, и украси ю всякою подобною красотою, и нарече сиа быти въ имя святыа, и живоначалныа, и нераздѣлимыа, и единосущныа Троица; въ честнѣмъ его монастыри, и пресловущей лаврѣ, и велицѣ оградѣ, и въ славнѣй обители, я же самъ съгради, и съвокупи, и устрои; идѣ же братию събра, словесное стадо Христово, и спасену паству упасе ю в незлобии сердца своего, и в разумѣ настави; идѣ же и самъ

кедр в Ливане, как маслина плодовая, как ароматы благоуханные, как миро излитое, и как сад пышный, как виноградник плодоносный, и как гроздь богатая, и как огород запертый, и как вертоград затворенный, и как сладостный скрытый источник, как сосуд избранный, как алавастр с миром ценным, и как город несокрушимый, и как стена неподвижная, и как крепость твердая, и как сын крепкий и верный, и как основание церкви, как столб непоколебимый, как венец славный, как корабль, наполненный богатством духовным, как земной ангел, как небесный человек.

Скончался старец ради господи в старости глубокой, славно прожив, в добродетели, в правде и целомудрии, в смирении, во всякой чистоте и святости, кончив дни духовные, ушел из жизни этой в семьдесят восемь лет. А иноком он был пятьдесят пять лет со всяким прилежанием и воздержанием, ленинством никогда не одолеваем, но с бодростью и в великой трезвости, и всех иноков превзошел во времена наши трудами своими и терпением, и многих превзошел добродетелями и деяниями своими. Что наша жизнь или что наше существование по сравнению с подвигами и другими добродетелями святого? Ничто по сравнению с ним наше иночество, и наша молитва только отблеск его молитвы. И насколько отстоит восток от запада, настолько нам трудно постигнуть жизнь блаженного и праведного мужа. Такова жизнь его и таковы труды его, и деяния, и подвиги, и тяготы, и многие болезни, мы же из множества о малом только постарались рассказать, хотя и не по заслугам сообщили о нем, не по достоинству написали.

Когда пришло время кончины его, он наставление дал ученикам своим и не разрешил им в церкви положить себя, но вне церкви скромно повелел похоронить себя с прочими братьями. Братия же, услышав это от святого, весьма печальна была и об этом спросила пресвятейшего архиепископа. Тогда в славном и знаменитом в великом городе Москве, украшая престол пресвятой и славной владычицы нашей Богородицы, был митрополитом преосвященный Киприан. Подумав и рассудив про себя, как и где должен быть погребен блаженный, он благословил братьев и повелел им положить его в церкви с правой стороны; так и сделали. Положено было тело преподобного в церкви, которую он сам создал, и воздвиг, и устроил, и основал, и украсил ее всякими подобающими украшениями, и назвал ее в честь святой, и живоначальной, и неразделимой, и единосущной Троицы; в честном его монастыре, и в знаменитой лавре, в великой ограде, и в славной обители, которую он сам воздвиг, и создал, и устроил; где он братию собрал, словесное стадо Христа, и как спасенное стадо пас ее в доброте сердца своего, и разуму наставлял;

одѣянъ бысть въ иночскый образ, паче же аггельскый, и много тмами тем труды положи, и неизчетныя подвигы показа; идѣ же непрестанныя молитвы сътвори; идѣ же повседневныя и нощныя пѣнія и благодарения славословяше и бога въспѣвааше; идѣ же многолѣтное и многострадалное течение свое препроводи и укрѣпи, не исходя от мѣста своего въ иныя предѣлы, развѣ нужда нѣкыя.

Не взыска Царствующаго града, ни Святыя горы или Иерусалима, яко же аз, окаанный и лишенный разума. Увы, люте мнѣ! Пользаа сѣмо и овамо, и преплаваа суду и овуду, и от мѣста на мѣсто преходя; но не хождаше тако преподобный, но в млъчании и добрѣ сѣдѣше и себѣ внимаше: ни по многым мѣстомъ, ни по далним странам хождаше, но во едином мѣсте живяше и бога въспѣвааше. Не искаше бо суетных и стропотных вещей, иже не требѣ ему бысть, но паче всего взыска единого истиннаго бога, иже чим есть душа спасти, еже и бысть: «Ищите бо,— рече,— и обрящете, и тлъкущему отврѣзается». Кто бо нынѣ тако взыска бога всѣмъ сердцемъ и от всеа душа възлюби, яко же съй преподобный отець нашъ, яко же пророкъ рече: «Всѣмъ сердцемъ моим *взыска* тебе»; и паки: «Взыскахъ господа, и услыша мя».

Въ время же преставления его събрася множество народа от град и от странъ многих, койждо желаше съ многым тщанием приблизитися и прикоснутися честнѣмъ телеси его или что взяти от риз его на благословение себѣ. Поболѣвъ убо старецъ нѣколько время, и тако преставися къ господу, къ вѣчным обителем, изсушивъ тѣло свое постом и молитвами, истончивъ плоть и *умертвивъ* уды сущаа на земли, страсти телесныя покоривъ духови, победивъ вреды душевныя, поправъ сласти житийския, отврѣгъ земнаа попечения, одолѣвъ страстным стремлениемъ, презрѣвъ мирскую красоту, злато, и сребро, и прочаа имѣнія прелестнаа свѣта сего яко худаа вѣмѣнивъ и презрѣ. И легыцѣ преплувъ многомутное житейское море, и без вреда препроводи душевный корабль, исполнь богатства духовнаго, беспакостно доиде въ тихое пристанище, и достиже, и крилома духовныма въскрилися на высоту разумную, и вѣнцем бестрастна украсися, преставися къ господу и прииде от смерти в живот, от труда въ покой, от печали в радость, от подвига въ утѣшение, от скръби въ веселие, от суетнаго житиа въ вѣчную жизнь, от маловременнаго вѣка в вѣки бесконечныя, от тля в нетлѣние, от силы в силу, и от славы въ славу. И вси пришедшей ту и обрѣтшейся плакахуся его ради.

Князи, и боляре, и прочии велможи, и честнии игумени, попы же, и диаконы, и инокъ множество, и прочии народи съ свѣщами и с кандилы проводиша честно священнаго его и

где и сам он принял иноческий образ, даже ангельский, и многие неисчислимые тысячи трудов совершил, и бесчисленные подвиги творил; где он непрестанные молитвы возносил; где он в повседневном и ночном пении в благодарности словословил и воспевал бога; где он многолетний и многострадальный путь жизни своей закончил и завершил, не уходя с места своего в другие земли, за исключением особой на то нужды.

Не стремился он к Царьграду, Святой горе или Иерусалиму, как я, окаянный и лишенный разума. Увы, тяжко мне! Я ползаю здесь и там, и плаваю туда и сюда, и с места на место перехожу; не скитался так преподобный, но в молчании похвальном оставался и к себе прислушивался: ни во многие места, ни в далекие края он не ходил, но на одном месте жил и бога воспевал. Ибо он не искал суетных и трудных вещей, в которых нужды нет, но более всего стремился к единому истинному богу, чтобы душу спасти, что и удалось ему: «Ищите,— сказано,— и найдете, и стучащему отворяется». Кто ныне так стремился к богу всем сердцем и от всей души его любил, как этот преподобный отец наш, как пророк сказал: «Всем сердцем моим искал тебя»; а также: «Я искал господя, и он услышал меня».

Во время кончины Сергия собралось множество народа из городов и из мест многих, каждый желал весьма настойчиво приблизиться и прикоснуться к честному телу его или взять что-нибудь из одежды его в качестве благословения себе. Болел старец некоторое время и так ушел к господу, к вечным обителям, иссушив тело свое постом и молитвами, изнузив плоть и умертвив части тела земного, страсти телесные покорив духу, победив зло душевное, поправ сладости жизни, отвергнув земные заботы, одолев страстные устремления, презрев мирскую красоту, золото, и серебро, и прочее имущество соблазнительное света этого как дурные вещи отверг и презрел. И легко переплыв мутное море жизни, он невредимым провел душевный корабль, наполненный богатством духовным, без ущерба дошел до тихой пристани, и достиг ее, и крыльями духовными вознесся на высоту разумную, и венцом бесстрастия украсился, отошел к господу и перешел из смерти в жизнь, из труда в покой, из печали в радость, из подвига в утешение, из скорби в веселье, из суетной жизни в вечную жизнь, из быстротекущего мира в мир бесконечный, из тления в нетление, из силы в силу, из славы в славу. И все пришедшие в монастырь и находившиеся там плакали о нем.

Князья, и бояре, и другие вельможи, и честные игумены, попы, и дьяконы, и иноков множество, и прочие люди со свечами и кадилами проводили честно его священные и мученические

страстотрѣпческіа мощи, пѣвше над ним обычныя пѣнія, и благодаривше надгробныя пѣсни, и довольно молитвовавше, опрятавше и благочиннѣ положиша и въ гробѣ, яко же прежде речеся. И на многъ часъ плакавше над ним довольно, едва разыдошася кождо въсвояси, многа плача печали наплѣнишася. Наипаче непрестанныхъ слъз еже ему бѣша приснии ученици и любимии послушници, в паствѣ его живущи, зѣлови скръбни быша, хождааху, сѣтующе, въздыхающе и рыдающе, стѣняще смѣрени, слъзни, дряхли, печални, умилени, поникли, не имуще утѣшениа, и другъ друга срѣтающе и въпрашающе, и съ многыми слъзами умилено глаголааху: «Прости, отче, и благослови, възлюбленный о Христвѣ брат! Се добрый и блаженный нашъ старецъ от насъ къ господу отиде, и насъ сирыхъ оставивъ. Изыде тамо, идѣ же есть мзда велиа и въздааніе дѣломъ его. Изыде с миромъ къ господу, его же измлада възлюби. Успе сномъ вѣчнымъ и длѣжнымъ и почи о господи в покой вѣчный, токмо насъ сирыхъ оставь. Тѣмъ нынѣ и мы по немъ жадаемъ и плачемся, яко остахомъ его и обнищали зѣло, яко осирѣхомъ и умалихомся, яко смирихомся и уничижихомся, яко оскръбихомся и *убожихомся*, и изумлени быхомъ, яко стадо бесъ пастыря и корабль бесъ крѣмника, яко виноградъ многоплодный безъ стража и болящій безъ врача; быхомъ смущени и отврѣжени». Сіа таковаа и подобна симъ, по немъ скръбяще и плачуще, глаголаху.

Мнози же убо елици к нему вѣру и любовь имущи не токмо в животѣ, но и по смерти къ гробу его присно приходяще, и съ страхомъ притекающе, и вѣрою приступающе, и любовию припадающе, и съ умилениемъ причинюще, и руками объемлюще святолѣпно и благоговѣнно, осязающе очима, и главами своими прикасающесе, и любезно цѣлующе раку мощей его, и устнами чистыми лобызающе, и вѣрою теплою и горящемъ желаниемъ и многою любовію бесѣдующе к нему, акы живу, поистинѣ и по успеніи живому, и съ слъзами глаголюще къ нему:

Молитва: «О святче божій, угодниче Спасовъ! О преподобниче и избранниче Христовъ! О священная главо, преблаженный авва Сергіе великій! Не забуди насъ, нищихъ своихъ, до конца, но поминай насъ всегда въ святыхъ своихъ благоприятныхъ молитвахъ къ господу. Помяни стадо свое, яже самъ паствилъ естъ, и не забуди присѣщати чадъ своихъ. Моли за ны, отче священный, за дѣти своа духовныя, яко имѣа дръзновение къ небесному царю, и не премолчи, вѣпни за ны къ господу, не презри насъ, вѣрою и любовію чтущихъ тя. Помяни насъ, недостойныхъ, у престола вседръжителева. Не престай моляся о насъ къ Христу богу, тебѣ бо дана бысть благодать за ны молитися. Не мнимъ бо тя мертва суща, аще и тѣломъ

мощи, пели над ним положенное пение, и благодарность воздали в надгробных песнях и, достаточно помолившись, обрядили и благочинно положили его в гроб, как выше было сказано. И многие часы плакали над ним беспрестанно и едва разошлись все восвояси, многими слезами и печалью полные. Особенно непрестанные слезы изливали его старые ученики и любимые послушники, которые в стаде его жили, весьма все были скорбны и ходили, сетуя, вздыхали и рыдали, стонали смиренные, со слезами, дряхлые, печальные, умиленные, поникшие, не имея утешения; и, друг друга встречая и вопрошая, они со многими слезами умиленно говорили: «Прости, отче, и благослови нас, возлюбленный во Христе брат! Вот добрый и блаженный наш старец от нас к господу отошел, нас осиротевшими оставив. Ушел туда, где получит мзду великую и воздаяние за дела его; ушел с миром к господу, которого с молодости возлюбил. Успокоился в сне вечном и заслуженном и почил о господе в покое вечном, только нас осиротевшими оставил. Поэтому сейчас мы о нем жалеем и плачем, так как остались без него и обнищали очень, так как осиротели и уменьшились, так как смирились и в презрении остались, так как мы опечалены и обеднели, и в растерянности находимся, как стадо без пастыря и корабль без кормчего, как виноградник плодовитый без сторожа и больной без врача; мы смущены и отвержены». Такие слова и подобные этим, скорбя и плача о нем, они говорили. Многие из тех, которые к нему веру и любовь имели не только при жизни, но и после смерти, к гробу его всегда приходили, и со страхом прибегали, и с верой приступали, и с любовью припадали, и с умилением приближались, и руками обнимали благочестиво и с благоговением, и взирали очами, и головой своей прикасались, и с любовью целовали раку с мощами его, и устами чистыми лобзали, и верой исполненные и страстным желанием с великой любовью беседовали с ним, как с живым,— воистину после смерти живым,— и со слезами говорили ему:

Молитва: «О святой божий, угодник Спаса! О преподобный избранник Христа! О священный муж, преблаженный отец Сергей великий! Не забудь нас, нищих твоих, окончательно, но вспоминай о нас всегда в святых твоих благих молитвах к господу. Вспомни стадо свое, которое ты сам пас, и не забывай посещать детей своих. Молись за нас, отче священный, за детей своих духовных, поскольку ты имеешь дерзновение перед небесным царем, и не умолкай, взывая за нас к господу, не оставь нас, с верой и любовью почитающих тебя. Вспомни нас, недостойных, у престола вседержителя. Не переставай молиться за нас к Христу богу,— ведь тебе дана благодать за нас молиться. Мы не

преставися от насъ, но не отступи от нас духом, пастуше нашъ добрый. Се бо мощей твоихъ гробъ пред очима нашими видимы есть всегда, но святаа твоя душа невидимо съ аггельскими воиньствы, съ бесплотными лики, съ небесными силами у престола вседръжителева и в лѣпоту достойно веселится. Нам бо суще свѣдущим тя, яко живу ти и по смерти сущу, тако бо писано есть пророком, глаголющим: «Душа праведных в руцѣ божии, и не прикоснется их мука; упование их исплньнъ бесмертна, яко богъ искуси а и обрѣте их достойны себѣ; яко злато искуси а и яко всесъждежения приат а; яко благодать и милость въ избранных его, и посѣщение на преподобных его». «Праведници бо,— рече,— в вѣкы живут, мѣзда от господа и строение их от вышняго; сего ради примут царствие красоты и вѣнецъ доброты от руки господня. Память праведнаго с похвалами бывает, и благословение господне над главою праведнаго; аще и преставится праведный, въ покои будетъ; старость бо честна не многолѣтна, ни в числѣ лѣт изчтена есть; сѣдины же суть разум человеку, лѣта же старости — житие несквръно. Угоденъ богу бывъ и възлюбленъ бывъ, живой среди грѣшник преставленъ бысть, да не злоба измѣнит разумъ его, и леть да не помрачит его; скончався, вѣмалѣ исплньни лѣта многа: угодна бо бѣ господеву душа его. Того ради господь любит праведника, съхранит и, живит и, и ублажит его на земли, и не дастъ в вѣкы смятения праведнику, ниже дастъ видѣти истлѣнна преподобному своему. Яко высокъ господь на смиренныя призирает, и приемля кроткыя господь, и близъ есть всѣмъ призывающим его истинною; волю боящихся его сътворит, и молитву их услышит, и спасетъ я; хранит господь вся любящаа его; любить господь праведных сердца, приати же ему все непорочнии в путь; хранит господь вся кости их, и ни едина от них не съкрушится; похваляему убо праведнику възвеселятся людие. Се тако благословится человекъ, бояйся господа, и иже живой в *помощи* вышняго въ кровѣ бога небеснаго вѣдворится; насажденъ в дому господни, въ дворѣхъ дому бога нашего процвѣтет, и яко кѣдръ иже в Ливанѣ умножится. Си есть слава церковнаа, слава есть всѣм преподобным его. Радуйтесь, праведнии, о господѣ, праведнымъ подобает похвала!» «В память вѣчную,— рече,— будет праведникъ, и род праведных благословится. Мнѣ же зѣло честни быша друзи твои, боже, зѣло утвѣдишася владычествиа их». Яко же рече Павел апостолъ: «Братие, радуйтесь о господѣ», и пакы рече: «Радуйтесь». И рече праведник: «Поне же убо смирихся, и спасе мя господь. Сего ради обратися душе моя в покой твой, яко добро сътвори тебѣ господь, яко изъят душу мою от смерти, очи мои от слъз, нозѣ мои от въспольз-

считаем тебя мертвым, хотя тело твое скончалось для нас, но не отступай от нас духом, пастух наш добрый. Вот гроб с мощами твоими перед глазами нашими стоит всегда, но святая твоя душа невидимо с ангельским войском, с бесплотными лицами, с небесными силами у престола вседержителя прекрасно и достойно радуется. Ибо мы знаем про тебя, что жив ты и после смерти,—ведь так написано пророком, сказавшим: «Души праведных в руке божьей, и не коснется их мучение; надежда их полна бессмертия, потому что бог испытал их и нашел их достойными его; как золото испытал их и как жертву принял их; ибо благодать и милость с избранными его, и он посещает преподобных своих». «А праведники,—сказано,—во веки живут, мзда им от господи и помощь им от всевышнего; поэтому они получают царство красоты и венец доброты из рук господи. Память о праведном с похвалами бывает, и благословение господи над головой праведного; хотя и скончался праведный, в покое будет; ибо старость честная не в долговечности, не числом лет измеряется,—разум есть седина для людей, а возраст старости — жизнь непорочная. Угоден богу был и возлюблен им был, жил среди грешников и преставился, чтобы злоба не изменила разума его, и лесь чтобы не помрачила его; он скончался, в короткое время прожив годы многие: ибо была угодна господу душа его. Поэтому господь любит праведника, сохранит его, сбережет ему жизнь, блажен будет он на земле, и не будет никогда в смятении праведник, и не даст бог увидеть тление преподобному своему. Высок господь и смиренных возвышает, и принимает кротких господь, и близок господь ко всем призывающим его в истине; желание боящихся его он исполняет, молитву их услышит, и спасет их; хранит господь всех любящих его; любит господь праведных сердцем, приятны ему все, идущие непорочным путем; хранит господь все кости их, и ни одна из них не сокрушится; когда хвалят праведника, веселятся люди. Вот так благословится человек, боящийся господи, и живущий с помощью всевышнего под кровом бога небесного водворится; посаженный в доме господи, во дворах дома бога нашего расцветет и, как кедр в Ливане, умножится. Вот слава церковная, слава всем преподобным бога. Радуйтесь, праведные, о господи, праведным подобает похвала!» «В памяти вечной,—сказано,—будет праведник, и род праведных благословится. Сколь славны для меня друзья твои, боже, и как утвердись власть их». Как сказал Павел-апостол: «Братья, радуйтесь о господи», и снова сказал: «Радуйтесь». И сказал праведник: «Поскольку я смирился, спас меня господь. Поэтому возвратилась душа моя в покой твой, ибо добро сотворил душе господь, ибо он избавил душу мою от смерти, очи мои

новенна; угодих пред господомъ въ странѣ живущихъ. Се по-
кой мой въ вѣкъ вѣка, zde вселюся; изволих примѣтатися
в дому бога моего паче, неже жити ми в селех грѣшничих.
Когда прииду и явлюся лицу божию въ гласъ радованія и
исповѣданія шума празднующаго? Тѣм же не умру, но живѣ
буду и исповѣмъ дѣла господня; показуя наказа мя господь,
смерти же не предаст мене. Отвръзите мнѣ врата правды,
и вшедъ въ ня исповѣмся господави, глаголя: «Господи, боже
силъ! Коль възлюбленна села твоя! Желает душа моя скон-
чатися въ дворы твоя, яко лучши есть день единъ въ дворѣх
твоих паче тысящъ; и яко тысяща лѣтъ пред очима твоима,
господи, яко день вчерашній, иже мимо идетъ; и яко желает
елень на источники водныя, тако вжада душа моя к тебѣ,
боже; яко всѣмъ есть веселящимся жилище у тебѣ и источ-
никъ животу. Блажени живуще в дому твоём: в вѣкъ вѣка
въсхвалят тя. Блажени кротци, яко ти наслѣдят землю и об-
ладают ею».

Явѣ, яко праведници, и кротци, и смирени сердцемъ, ти наслѣ-
дят землю тиху и безмълвну, веселящу всегда и наслажающа,
не токмо телеса, но и самую душу неизреченнаго веселиа
непрестанно исплъняюще, и на ней вселятся въ вѣкъ вѣка.
Тако и сѣй преподобный отецъ нашъ Сергіе того ради вся
краснаа мира сего презрѣ и сиа възделѣ, и сиа прилѣжно
взиска, землю кротку и безмолвну, землю тиху и безмятежну,
землю красну и всякого исплънь утѣшениа, яко же сама
истинна рече въ святомъ Евангелии: «Толцай отвръзет себѣ,
и ищай обрящете безцѣнный бисерь», рекше господа нашего
Исуса Христа, и царство небесное от него въсприят, его же
буди всѣмъ нам получитьи благодатию господа нашего Исуса
Христа, ему же подобает всяка слава, честь, поклоняние съ
безначальнымъ его отцемъ и съ пресвятымъ, и благымъ, и живо-
творящимъ его духомъ нынѣ, и присно, и въ вѣкы вѣкомъ. Аминь.

от слез, ноги мои от преткновения; я угодил господу в стране живых. Это покой мой навеки, здесь вселюсь; желаю быть у порога в доме бога моего больше, чем жить в селах грешников. Когда приду и явлюсь перед лицом божьим с голосом радости и славословия шума праздничного? Поэтому я не умру, но жить буду и возвещать дела господни; строго наказал меня господь, но смерти не предал меня. Отворите мне ворота правды, и я войду в них и прославлю господу, говоря: «Господи, боже сил! Как возлюбленны жилища твои! Желает душа моя скончаться во дворах твоих, ибо день один во дворах твоих лучше тысяч; ибо тысяча лет пред очами твоими, господи, как день вчерашний, когда он прошел; и как тянется олень к источнику воды, так тянется душа моя к тебе, боже; ибо для всех веселящихся жилище у тебя и источник жизни. Блаженны живущие в доме твоём: они будут восхвалять тебя во веки веков. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю и будут обладать ею».

Ясно, что праведники, и кроткие, и смиренные сердцем, наследуют землю тихую и безмолвную, веселящую всегда и наслаждающую, не только тела, но и саму душу несказанным весельем постоянно наполняющую, и на ней будут веселиться всегда.

Так и этот преподобный отец наш Сергей ради того все прелести мира здешнего презрел и к ней стремился, и ее прилежно искал, землю спокойную и безмолвную, землю тихую и безмятежную, землю прекрасную и всяким исполненную утешением, как сама истина сказала в святом Евангелии: «Стучите и откроете себе, ищите и найдете жемчуг бесценный», то есть господу нашего Иисуса Христа, и царство небесное от него получают, и пусть все мы получим его по благодати господу нашего Иисуса Христа, которому подобает всякая слава, честь, поклонение с безначальным его отцом и с пресвятым, и благим, и животворящим его духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.